

Брат Андрей
при участии Алекса Янсена

СИЛА СВЕТА

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Санкт-Петербург
Издательство «Шандал»
2009

ВВЕДЕНИЕ

Книга, которую вы сейчас открыли, кому-то покажется спорной. Спорной может показаться даже деятельность миссии «Открытые двери» — организации, основанной братом Андреем в 1955 году после его поездки за железный занавес, в Польшу, где он своими глазами увидел суровые будни церкви при коммунистическом режиме.

Тем, кто впервые слышит о миссии «Открытые двери», сообщу, что мы словом и делом стремимся поддерживать христиан, живущих в стесненных обстоятельствах или гонимых за веру в Иисуса Христа. Мы обеспечиваем их экземплярами Библии и другими книгами, которые без нашего содействия им едва ли доступны. В одном только 2003 году миссией «Открытые двери» церквям Азии, Африки, Латинской Америки и всего мусульманского мира доставлены почти четыре миллиона томов Священного Писания, детских и учебных изданий Библии, а также другой душепопечительной литературы. Кроме того, мы научили двадцать две тысячи пасторов и церковных руководителей тому, как управлять общинами и в горниле испытаний укреплять веру.

В конце 1960-х годов, когда благодаря своей получившей широкую известность книге «Божий контрабандист» брат Андрей стал в Советском Союзе и странах Восточной Европы, так сказать, персоной *non grata*, одним из регионов мира, посетить которые он чувствовал неодолимое желание, был Ближний Восток. Его глубоко беспокоило то, что он там увидел. Все чаще и все настойчивее брат Андрей начал говорить о проблемах ближневосточного региона, и в первую очередь о мусульманском фанатизме и том значительном воздействии, которое данный фактор может оказать на церковь в этом регионе. Он понял, что необходимо сделать все возможное ради помощи церкви, чтобы она укрепилась и стала светом во тьме этого нескончаемого конфликта.

Помимо того брат Андрей взялся благовествовать врагам Израиля. Своими проповедями, как и христианским состраданием и любовью, он возвещает Евангелие Иисуса Христа, при этом побуждая христиан Ближнего Востока к раздумьям о путях примирения.

Когда в 1995 году меня выбрали руководителем миссии «Открытые двери», брат Андрей уже вплотную занимался проблемами Ближнего Востока. В книге описываются его многочисленные паломничества в страны этого региона. Его шаги никогда не подкреплялись ни политическими устремлениями, ни желанием занять чью-либо сторону, и это верно уже потому, что основное внимания брата Андрея всегда приковано к страданиям приходящих в упадок христианских общин на палестинской земле.

В связи с этим важно отметить, что одинаково преданные Богу христиане, бывает, не находят согласия по многим богословским проблемам, идет ли речь о говорении на иных языках, безусловном (необратимом) спасении или пророчествах. Проблемы Израиля и Святой земли выбиваются из общего ряда, быть может, потому, что относятся к числу животрепещущих, вызывающих наибольшую рознь, сеющих непримиримые распри. С подобной рознью и распрями мы сталкиваемся даже внутри миссии «Открытые двери», поскольку у нас есть штатные сотрудники, занимающие противоположные стороны баррикады. Однако мы любим друг друга и сотрудничаем, поскольку из высших побуждений все до одного служим Церкви Иисуса Христа.

Я молюсь о том, чтобы эта книга взволновала и побудила Христово Тело по всей земле к большему состраданию и молитве о ближневосточном регионе. Чем ближе второе пришествие Иисуса Христа, тем крепче мы должны сплотиться. Мессианские евреи*, а также их арабские братья и сестры во Христе, живущие на Святой земле, нуждаются в нашей поддержке и молитве. Да послужит эта книга дорожным указателем на пути к тому, во что я искренне верю и что остается последней надеждой на мир на Ближнем Востоке, а именно к Иисусу Христу — Свету во тьме этого чудовищного конфликта.

*Йохан Компаньен,
руководитель миссии «Открытые двери»*

---

* Представители синкретического течения, объединяющего евреев, признающих мессианство Иисуса, но сохраняющих иудаистские верования и обряды.— *Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат переводчику.*

ЧАСТЬ I

«УТВЕРЖДАЙ ПРОЧЕЕ БЛИЗКОЕ К СМЕРТИ»

Искореженная почерневшая стальная конструкция тлеет посередине иерусалимской улицы. Ревут сирены. Прохожие рыдают. Диктор сообщает, что еще один начиненный взрывчаткой автомобиль врезался в переполненный людьми автобус.

Сколько раз нам доводилось наблюдать подобный ужас? Неужели мы стали невосприимчивыми к таким новостям? Это продолжается многие и многие годы, и мы знаем, что конца и краю этому не видно. Скоро последует ответный удар. Погибнут люди. Затем очередная атака. Погибнет еще больше людей.

Неужели нельзя остановить это насилие?

Какая еще беда нависла над нами?

ГЛАВА 1

УЖАС

Иерусалим, 4 сентября 1997 года

Сделав все дела, какие успела, Карен Алан возвращалась в свой офис на втором этаже одного из строений, расположенного на улице Бен-Иегуды. По обеим сторонам улицы, вдоль пешеходной зоны, тянулись витрины многочисленных кафе и магазинов. Местные жители и туристы прогуливались по бульжной мостовой, сидели за столиками на свежем воздухе, наслаждаясь кофе, и разглядывали публику. Иностранцы любили приходить сюда после экскурсии по Старому городу, расположенному в полутора километрах отсюда на восток по Яффской дороге. Одни туристы покупали на память меноры, мезузы и украшенные вышивкой ермолки*, другие, натуры более утонченные, выбирали произведения искусства и оригинальные предметы гончарного ремесла.

В этом полном жизни, сил и энергии районе Западного Иерусалима находится Университетский колледж Царя царей¹. Месяц назад Карен начала там работать редактором и переводчиком. Сегодня после обеда ей не терпелось продолжить работу и она проворно взбежала по лестнице в свой кабинет.

Едва Карен вошла в помещение и положила на стол сумочку, как прогремел взрыв и ее едва не сбilo с ног. Чтобы не упасть, ей при-

---

* Менора — семиствольный светильник, один из символов иудаизма; мезуза — пергаментный свиток с отрывками из Торы, в специальном футляре прикрепляемый к дверному косяку еврейского дома; ермолка — традиционный еврейский мужской головной убор, кипа.

шлось ухватиться руками за стол. В тот же миг здание поколебал второй, а затем и третий, самый мощный взрыв.

У Карен зазвенело в ушах. Она напряглась в ожидании следующего толчка. Потом до нее донеслись крики коллег. *«Боже мой, нет! Это происходит не со мной»*, — мелькнуло у нее в голове. Выскочив в коридор, Карен вместе со всеми поспешила к открытому окну. Выглянув наружу, она сначала услышала истошный вой. То, что она через секунды увидела, повергло ее в шок. На мостовой и обоих тротуарах лежали тела убитых и раненых, все было в крови. Один из пострадавших кое-как поднялся и пошел, шатаясь, как слепой: глаза ему застилала кровь, текущая из глубокой раны на голове. Несколько свидетелей стояли в оцепенении, словно пригвожденные к месту, другие со всех ног бежали в разные стороны.

Какое-то время мозг Карен успевал обрабатывать только визуальную информацию. Ее взор остановился на окровавленных ногах одного из шахидов. Взрывом разорвало в клочья его торс. Постепенно до Карен снова начали доходить звуки. Завывала охранная сигнализация автомашин и магазинов. У кого-то внизу безнадежно звонил сотовый телефон. О скором своем прибытии возвещали сирены санитарных и полицейских машин. Носоглотку Карен стали терзать пыль и запахи взрывчатки и обгоревшей плоти. Потом зачесались глаза. Бригады неотложной помощи, не дожидаясь подкрепления, приступили к первичной сортировке раненых. Послышались отрывистые команды. Полиция начала оттеснять посторонних за цепь ограждения.

Внезапно Карен вспомнила о своей подруге Шири. Обеденный перерыв закончился, так что она должна быть на своем рабочем месте в конторе по соседству. Но где же она? Карен вернулась к столу и набрала номер ее сотового телефона. Попытка связаться с подругой результата не дала. Карен поспешила вниз, в вестибюль, и сквозь толпу испуганных зевак протиснулась к выходу, но ее остановил полицейский. «Проход запрещен», — сказал он. Прямо за дверью лежало чье-то тело.

Ошеломленная, Карен снова поднялась к себе в кабинет. Она еще раз набрала номер телефона Шири, но в ответ услышала только гудки. Всякий раз, когда Карен пыталась собраться с мыслями, ее

начинал душить страх. Оставалось только молиться о безопасности подруги. *«Господи, пусть Шири не будет среди тех, кто сейчас лежит на мостовой».*

В офисе все столпились у окон и наблюдали жуткую сцену. Откуда ни возьмись появились несколько активистов из числа правых, и теперь за спинами полицейских они хором скандировали: «Смерть арабам! Смерть арабам!» Карен заметила, что все окна, выходящие на пешеходную зону, за исключением окон ее кабинета, разбиты. *«Сколько же людей, — подумала она, — пострадали от осколков?»*

Вдруг Карен ощутила, что ее бьет крупная дрожь. Понятно, ей теперь не до работы, но ведь что-то надо делать, и она стала едва ли не ежеминутно звонить Шири по сотовому телефону, но он не отвечал. *«А в ближайших больницах?»* Карен схватила телефонную книгу и начала набирать номера больниц. Ни в одной из них факт госпитализации Шири зарегистрирован не был. Снова выглянув из окна, Карен подумала о худшем: *«Что мне делать, если ее тело окажется среди этих обгоревших останков? Готова ли я к худшему? Ни в коем случае!»* Она почувствовала, что от ужаса перед этим фактом теряет контроль над собой. Карен охватила паника, но усилием воли она заставила себя успокоиться.

Хардервейк, Голландия

Посмотрев вечерние новости, я принялся мерить шагами пол своего кабинета и молиться за всех пострадавших в результате очередного теракта. Я твердил себе, что у каждого из погибших от взрывов на улице Бен-Иегуды сейчас в горе родители, братья и сестры, друзья и подруги. Родные и близкие каждого из раненых, собравшись у больничных коек, возносят молитвы Богу. У каждого из свидетелей этих взрывов останутся страхи, которые уже никогда не оставят их в покое. Народ Израиля в очередной раз содрогнулся от ужаса того, чему он подвергается все последние годы.

Много лет я посещал ближневосточные церкви в Ливане, Израиле, на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Всякий раз, услышав об очередном теракте, я задавался вопросом, а не было ли среди его жертв христиан. Да, и они тоже не могут чувствовать себя защищенными. Церкви не избежать опасностей, подстерегающих

ее в обществе, в котором она существует, но меня интересовало другое: как христиане справляются с эмоциональными травмами.

В этой связи мне вспомнился другой ужасный инцидент, имевший место в августе 1968 года, когда в Чехословакию вторглась советская армия. Подумав тогда, что это вторжение может повредить церкви, я загрузил свой многоместный «ситроен-универсал» экземплярами Библии и христианской литературой на русском языке и весь день, добираясь из Голландии до чехословацкой границы, провёл в дороге. Там я встретил длинную вереницу автомобилей с покидающими страну людьми. От советской армии из Чехословакии бежали тысячи, и только я один въезжал на территорию этой страны. У меня не было визы, но пограничник пропустил меня и без нее, так что в следующее воскресенье я уже проповедовал в Праге².

К концу девяностых мне было уже под семьдесят. Люди в моем окружении начинали мне намекать, что, дескать, пора и на покой. Что ни говори, а путешествия в зоны боевых действий не для стариков. Но как я могу уйти в отставку, когда страдают мои братья и сестры во Христе и передо мной открывается возможность им помочь? Многие бежали из зоны ближневосточного конфликта — я же, напротив, рвался туда.

Иерусалим

Было уже поздно, когда Карен пришла домой и оказалась в крепких объятиях родителей. В гостиной работал телевизор: передавали новости. Те несколько минут, что Карен провела у экрана, ей просто не верилось, что она буквально несколько часов назад была в том месте, откуда велся репортаж и где ей чудом удалось остаться в живых. Недавний инцидент навязчиво напоминал о себе. Три бомбы взорвались в толпе людей, гуляющих по одной из пешеходных зон Западного Иерусалима. Погибли по меньшей мере семеро, сто девяносто два человека ранены, главным образом по причине тысяч и тысяч гвоздей, которыми были набиты взрывные устройства террористов. Репортеры сходились в одном: этот теракт был одним из наиболее жестоких.

Несколько минут спустя зазвонил телефон. Ответил отец Карен, затем он передал трубку дочери:

— Это Шири!

— Слава Богу! — воскликнула Карен. Это было все, что в тот момент она могла сказать. Потом ей все же удалось добавить сквозь слезы: — Я так боялась, что ты осталась там, на улице...

— Я задержалась на почте, в двух шагах от того места, — объяснила Шири, — а когда услышала взрывы, мне стало страшно и я решила не возвращаться в офис, а сразу пошла домой.

Таким был краткий разговор Карен и Шири. Какое облегчение и радость знать, что подруга жива и здорова! Но после всех треволнений этого дня Карен чувствовала себя слабой и разбитой. Она выключила телевизор и тяжело опустилась в свое любимое кожаное кресло. *«Как я могу радоваться, когда множество других людей оплакивают своих родных и близких?»* Шок, испытанный при столкновении с недавним ужасом, прошел, и теперь заговорили чувства, стали возникать вопросы. Карен поведала родителям некоторые из своих мыслей: «Так люди поступают только в приступе гнева! Но как можно допустить в сердца такую ненависть? — заглянула она в глаза матери. — Задержись я где-нибудь на пару минут, и я оказалась бы на той мостовой. И почему Господь сжалился надо мной?»

Выспаться той ночью Карен не удалось. В попытке отогнать от себя терзавшие ее воображение кошмары она побуждала себя сосредоточиться на любых библейских стихах, которые только могла вспомнить. Из шестой главы Послания к Ефесянам она прошептала следующие слова: «...наша брань не против крови и плоти...» Сегодня она видела плоть и кровь реальных жертв той, по всей видимости, бесконечной брани, которую ведут между собой палестинцы и израильтяне. Живо представляя лежащие на мостовой трупы, Карен с трудом называла эту брань духовной. Но вера ее подсказывала ей, что физически участвовать в этой брани она не может. Пусть этой бранью занимается Бог. Ее же роль заключается в том, чтобы молиться, любить и принимать всех так, как принимает ее Господь. Неужели она в этом сомневается?

Карен думала о том, как сильно она любит свою родину. Она родилась и выросла в Иерусалиме, почитала за честь жить в Израиле, и в еврейском обществе чувствовала себя как рыба в воде. От большинства сограждан Карен отличало лишь то, что ее семья была хрис-

тианской. Окружавшие ее люди придерживались традиционного для евреев жизненного уклада, но были людьми мирскими, то есть имели образ мыслей, в котором не было места Богу.

Родители с детства научили Карен сердечно относиться к каждому человеку, так что, будучи гражданкой Израиля, она часто приезжала в Вифлеем и там охотно общалась с палестинцами. Вот почему в средней школе она учила арабский язык, а после школы в течение года практиковалась в Иордании. Потом, спустя примерно шесть месяцев, она приняла участие в одном из так называемых пустынных собраний, проводимых прежде всего для наведения мостов между мессианскими евреями³ и палестинскими христианами. Эти форумы спонсировались миссией «Мусалаха» — организацией, содействующей библейскому примирению. Карен наслаждалась возможностью практиковаться в арабском языке и одновременно налаживать отношения с живущими в Палестине арабами. Ясное дело, не все они были преисполнены ненависти к евреям — ее арабские друзья были сострадательными и открытыми для «другой стороны» людьми. Нельзя допустить, чтобы события ушедшего в прошлое дня подорвали ее веру в Христа и нанесли вред ее связям с арабскими друзьями. Она ни за что не допустит этого!

Карен снова и снова молилась: «Ну почему, Господи, Ты меня пощадил? — Мысли увели ее далеко в сторону, но она снова вернулась к молитве: — Может быть, лучше бы Ты пощадил кого-нибудь вместо меня, выбрав из тех, кто не знает Тебя?» Рано поутру слезы ручьем текли по лицу Карен. Она поняла, что ответа на ее вопросы не будет. «Господи, умоляю Тебя, дай мне взглянуть на мое положение Твоими глазами». Так или иначе Карен и христианам из ее поместной церкви и Израильского библейского университета надлежало быть орудием Божьей милости к падшим людям. Это было непросто, но, по зрелом размышлении, был ли у нее иной выбор?

Хардервейк, Голландия

На протяжении многих лет после каждого теракта меня беспокоил один и тот же вопрос: *«Рассказывал ли кто-нибудь об Иисусе Христе тому подорвавшему себя юноше?»* Обращался ли кто-нибудь к террористам? Готов ли кто-нибудь встретиться с ними один на один

и указать им на такой повод жить, который перевесит их стремление расстаться с жизнью? Откуда им знать о Князе мира, если никто не идет к ним и не говорит с ними о Нем?

Однако пожелают ли исламские фундаменталисты, поклявшиеся уничтожить Израиль, узнать Благоую весть?

Разве можно ответить на этот вопрос, не отправившись к ним со словом благодати?

ГЛАВА 2

НЕ УЗКОЛОБЫЙ ТЕРРОРИСТ

Газа, 9 июня 2001 года

Газа, что ни говори, место жуткое. Куда ни кинешь взор, всюду одни серые здания из шлакобетона, большей частью без архитектурных излишеств. Полмиллиона человек живут в невыносимо стесненных условиях, и для большинства семей единственный способ хоть как-то улучшить свои жилищные условия — это надстроить еще один этаж. О крайней бедности местного населения — семеро из десяти трудоспособных человек сидят без работы — свидетельствуют скелеты недостроенных этажей многих домов.

Дороги в Газе, если не считать магистральных путей, грунтовые. Гужевого транспорт и такси, разъезжающие с недозволенной скоростью, разбивают слежавшуюся глину в пыль, слой которой покрывает твои ботинки всюду, куда бы ты ни ступил. Здесь мало деревьев, нет ни парков, ни детских площадок. Дети, в основном босиком либо в изношенных кроссовках, играют прямо на проезжей части. Порой на обочинах дорог можно встретить небольшое проржавевшее колесо обозрения. Эти рахитичные конструкции с тремя деревянными сиденьями, на которых размещаются по двое-трое, иногда больше, детей, приводят в движение вручную, и занимаются этим обычно старшие братья или дядя.

Многие годы местные жители называют Газу самой большой в мире тюрьмой. Со времени объявления в сентябре 2000 года второй интифады¹ права на выезд из региона лишены фактически все жители города.

Отдохновение от вездесущей пыли и в равной мере от горя и бедности местного населения мы нашли в «древней» величественной

обитатели — отеле «Марна», расположенном на обнесенной стеной территории. В нескольких кварталах отсюда на восток, со стороны Средиземного моря, шелестя листьями пальм, дул убаюкивающий вечерний ветерок. Узкие тропинки, извиваясь, исчезали в полном цветое благоухающем саду. Громко постучав на одном из деревьев, поближе к макушке, с орешком в клюве над нами пролетел дятел. Кроме нашей небольшой группы, в роскошном отеле остановилась еще одна команда — репортеры из Би-би-си. Их бело-голубой бронированный джип, своей раскраской прямо-таки кричащий о принадлежности его владельцев к прессе, был припаркован на подъезде к отелю.

В ожидании встречи с Абдулом, представителем движения «Исламский джихад», мы сидели на террасе отеля в тени громадного рожкового дерева. Ровно в семь часов к нам по выложенной кирпичом дорожке быстро подошел Абдул. На нем был простой белый восточный халат с поясом и сандалии на босу ногу. Волосы у него седые, на макушке блестит лысина. Борода щетинистая и тоже почти вся седая. Сеть частых глубоких морщин вокруг черных глаз. Когда мы пожимали друг другу руки, глаза Абдула впились в меня, будто хотели проникнуть в глубь моей души. Я представил ему своих друзей — Алекса, литератора из Америки, и пастора из Вифлеема, который был нашим переводчиком.

— Спасибо, что пришли, — начал я, когда мы опустили в пластиковые кресла. Абдул кивнул, дескать, давайте скорее приступим к делу. Прежде всего мне следовало заявить о своих намерениях. — Я хочу встретиться с вашим старшим командиром, — сказал я, имея в виду шейха Абдуллу Шами*, лидера движения «Исламский джихад» в секторе Газа. Потом я упомянул одного общего друга, имевшего связи с движением ХАМАС. — С некоторыми из лидеров ХАМАСа я знаком, и мы откровенно говорим об исламе и христианстве. Надеюсь, у нас получится наладить подобный диалог и с «Исламским джихадом».

— С кем из лидеров ХАМАСа вы знакомы? — спросил Абдул.

---

* Убит в результате атаки израильской авиации в феврале 2004 г.

— Я встречался с шейхом Ахмедом Ясином, доктором Абделем Азизом Рантиси, Махмудом аз-Захаром и многими другими.

— Какие проблемы вы хотели бы обсудить? — Абдул точно сверлил меня взглядом.

— Я представляю голландских и вообще западных христиан. Мне хотелось бы вместе с шейхом Шами осмыслить проблемы, связанные с нашими вероисповеданиями — исламом и христианством. Мне также хотелось бы узнать, что он думает о ситуации в Палестине и о возможности примирения в будущем.

Абдул ненадолго задумался, а затем полез во внутренний карман халата и достал сотовый телефон. Весьма проворно он набрал номер и поговорил минуты две.

Пока мы его ждали, я подумал об опасностях, которые подстерегали нас на встрече с шейхом Шами. Я отдавал себе отчет в том, что «Исламский джихад», как и движение ХАМАС, — заклятый враг Израиля. Я хорошо знал о тех ужасных деяниях, ответственность за которые брали на себя боевики «Исламского джихада». Меня не раз обвиняли в том, что я настроен против Израиля, поскольку поддерживаю дружеские связи с его, Израиля, врагами — террористами. Парировать подобные обвинения было очень просто: «Лучше всего я смогу помочь Израилю, если приведу его врагов к Иисусу Христу. Моя цель — представить им Князя мира, Который один только может исцелить их от гнева и ярости, поселившихся в их сердцах».

Как им узнать Иисуса Христа, если к ним не обратится хотя бы кто-то, в ком обитает Его Дух? Своими скромными делами я, быть может, сумею навести мосты через бездонную пропасть между израильтянами и палестинцами, между христианами и мусульманами.

Итак, не откажется ли лидер «Исламского джихада» от встречи со мной?

Щелкнув крышкой мобильного, Абдул объявил:

— Шейх Шами встретится с вами завтра после обеда. Я приеду за вами в три часа.

— Спасибо. Могут ли поехать со мной и мои друзья?

— Конечно. — Напряжение Абдула, казалось, начинало спадать — с официальной частью поручения он справился. Отки-

нувшись, он достал пачку сигарет, вытащил одну и, стуча ею по столешнице, сказал: — Теперь мне хотелось бы кое о чем с вами поговорить.

— О чем же именно? — спросил я.

— О Библии и христианстве, — просто ответил он. — В тюрьмах я провел в общей сложности девятнадцать лет. Впервые меня арестовали в 1971 году, а освободили в 1985-м в порядке обмена военнопленными. Затем я снова был арестован, теперь уже в 1988 году, и с тех пор подобное повторялось еще несколько раз. Когда столько времени сидишь в тюрьме, невольно о многом задумываешься.

Интересно, подумал я, а не лишился ли Абдул свободы за террористическую деятельность? Или в отношении него речь идет об административном задержании, как это происходило, насколько мне известно, с тысячами палестинцев? Как бы там ни было, заключенных физически стесняют так, что это может лишь умножить их гнев и обострить ненависть, если они не примут решения потратить время на что-то более полезное.

Абдул подался вперед и сказал:

— Вот вы говорите о возможности примирения в будущем. Однако единственный путь к примирению на нашей земле — это принятие ислама! Вот к чему я пришел, пока сидел в тюрьме. — Он откинулся на стуле, задымил сигаретой и добавил: — В тюрьме я прочел всю Библию. Я также прочел весь Коран и решил стать мусульманином.

— Так вы до этого не были мусульманином?

— Я был мусульманином номинально, в культурном отношении. Но не в духовном и интеллектуальном. Однако у меня еще остаются вопросы по Библии и христианству, и вы, быть может, сумеете дать мне на них ответ.

Я положил руки на стол и разжал ладони, дескать, спрашивайте что хотите.

Однако сначала Абдул ни о чем меня не спрашивал — сначала он без устали говорил и в конце концов страстно произнес:

— Большинство людей даже не представляют, что такое «Исламский джихад». Мы вовсе не такие, какими нас рисуют в средствах массовой информации. То, с чем мы имеем дело, во многом походит

на то, с чем столкнулся Иисус. — На моем лице, видимо, отразилось удивление, поэтому он быстро добавил: — Вы не ослышались. Мы чтим Иисуса. Это великий пророк. Но евреи к Нему не прислушались. Иисус для нас — символ нашей борьбы. Читая *Инджил*², я сравнивал и даже отождествлял себя с Иисусом. Проблемы у меня с Ветхим Заветом. Например, как это Господь, если судить по Книге Иисуса Навина, мог повелевать евреям идти в Иерихон и убивать там все живое — мужчин, женщин, детей, а также животных? И как после этого можно осуждать нас, палестинцев, когда наши лучшие люди, борющиеся за свободу *отнятой* у нас родины, убивают несколько гражданских лиц? Вы можете объяснить мне, в чем тут разница?

Яркость и глубина речей Абдула просто поразили меня. На его вопрос я постарался ответить с большим спокойствием, чем то, которое было в моей душе:

— Важно все воспринимать в контексте, — объяснил я, тщательно выбирая слова, прежде чем что-либо сказать. — Жители Земли обетованной в то время были идолопоклонниками. Среди множества прочих мерзостей была еще одна — в жертву своим богам они приносили детей. Бог терпел это на протяжении четырехсот лет в надежде, что они исправят свои пути. Когда же этого не произошло, Господь, будучи всемогущим Творцом, воспользовался Своим правом их истребить и поселить на их месте народ по Своему сердцу.

— Но как можно проводить параллель между той и современной ситуациями? — спросил Абдул. — Мы-то ведь не язычники.

— Все верно, ситуация изменилась. Повеления, которые Бог отдал Иисусу Навину, были в своем роде уникальными.

Абдул смял окурочек и тут же закурил следующую сигарету.

— Может быть, вы поясните мне другое обстоятельство. Почему христиане-сионисты так упорно поддерживают Израиль? Мне хотелось бы взглянуть на это с христианской точки зрения.

— Вы задаете труднейшие вопросы! — улыбнулся я, и на мгновение лицо Абдула озарилось ответной улыбкой. — Но позвольте мне прежде уточнить, что не всех христиан можно назвать сионистами. Здесь действуют две силы, значимые для многих христиан. Во-первых, фактор вины. — Я рассказал ему о холокосте и о том,

что как институт западная Церковь не восстала против геноцида евреев. — Вот почему после Второй мировой войны многие христиане стали думать, что евреям нужно построить свое государство, дабы спокойно в нем жить и больше не зависеть от безжалостных тиранов наподобие Гитлера. — Во-вторых, богословский фактор. Большинство христиан свято верят в то, что Бог ведет мир к светопреставлению и что в истории израильского народа прослеживается исполнение многих библейских пророчеств. Из этой богословской позиции с неизбежностью следует вывод: не поддерживая Израиль, христиане противятся замыслу Бога.

— Сейчас, как я слышал, исполняются пророчества, записанные в последних двух главах Книги пророка Захарии. Вы в это верите?

Абдул, по всей видимости, не прошел мимо и малых пророков.

— Ну вот, теперь вы просите меня истолковать труднейшие фрагменты Библии. Главы, о которых вы говорите, и в самом деле касаются последних времен. Мы считаем, что Иисус, как сказано в девятом стихе четырнадцатой главы Книги пророка Захарии, будет Царем над всей землей. Не мне вам говорить, что и мусульмане верят в то же самое. Но говорится ли в этом стихе о нынешнем положении Израиля, это большой вопрос. В общем, с этим соглашаются не все христиане.

Абдул задумался над моими словами. В какой-то момент мне даже показалось, что я нахожусь на библейских курсах и передо мной прилежный и серьезный студент, настолько глубоко этот человек интересовался Библией. Наконец он сказал:

— Не думаю, что пророк говорит о *нынешнем* Израиле. — И совсем уж неожиданно добавил: — Если бы я верил Ветхому Завету, то стал бы поселенцем. — Меня поразило, с какой страстью он заявил об этом — убежденность такой силы я находил у множества еврейских поселенцев на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Абдул выпрямился, готовясь уйти: — Знаете ли, все, чего нам хочется, — это мира!

Я поднялся вместе с ним и спросил:

— Вы и в самом деле верите в то, что путь, избранный «Исламским джихадом», обеспечит прочный мир в Палестине?

Абдул пожал плечами:

— *Иншалла. На все воля Аллаха.*

Так на подобные вопросы реагируют все арабы — не желая отвечать на них прямо, они призывают к Богу.

Я не стал заострять на этом внимание, а просто сказал:

— У меня для вас есть подарок. — Я вытащил из своей сумки книгу. — Я свято верю в то, что надежда на подлинный мир есть, но она не связана с террористическими методами борьбы. Настоящий мир явится на вашу древнюю землю в лице Иисуса, Которым вы так восхищаетесь. Мне бы хотелось, чтобы у вас была эта книга. — Я вручил ему подписанный экземпляр «Божьего контрабандиста» в переводе на арабский язык. — Отсюда вы кое-что узнаете обо мне и моих делах. Эта книга поможет вам лучше понять христианство.

Абдул с легким поклоном принял книгу и сказал:

— Я обязательно ее прочту.

С этими словами он зашагал прочь.

Алекс и палестинский пастор были просто потрясены. Наконец Алекс нарушил тишину и заметил, что открытость этого человека просто поражает.

— Почему? — спросил я.

— Да он мыслитель! И он, мне кажется, ищет истину.

— Вы поражаетесь тому, что он такой же человек, как вы и я? Нам, быть может, проще думать о нем как об узколобом террористе. Но такой подход не имеет ничего общего с попыткой решения ближневосточной проблемы³.

Позднее, лежа в постели под потолочным вентилятором, что лениво пробовал разогнать горячий влажный воздух по моему номеру, я думал о том, сколь типична для западных христиан реакция Алекса. Средства массовой информации редко представляют членов исламских фундаменталистских группировок с человеческими лицами. Вот почему так мало тех, кто неподвластен стереотипам и думает прежде всего о том, что у исламистов, как и у всех людей, есть свои семьи, свои мечты и свои страхи. Абдул был женатым человеком, и, как он мне поведал, у него подрастали семеро малышей. Мне не составило труда вообразить его сидящим на диване с детьми, что прилепились к нему со всех сторон. Вряд ли многие из нас захотят увидеть в домашней обстановке полевого командира движения

«Исламский джихад». Интересно, подумал я, сколько коллег — соратников Абдула — изо всех сил пытаются постичь смысл жизни. Для многих единственным источником света является ислам и только ислам.

Я вспомнил о своем жизненном призвании — о том, как Бог, коснувшись моего сердца, нашел меня. Я был тогда слегка озлобленным солдатом, валявшимся на госпитальной койке. И вот теперь я здесь, в секторе Газа, контактирую с представителем одной из мусульманских террористических организаций, которые наводят ужас на весь цивилизованный мир. Как я к этому пришел? Разумеется, мое паломничество в страны Ближнего Востока носило странный и неожиданный характер. Мне не спалось. Я невольно вспомнил, как более тридцати лет назад впервые оказался на Святой земле.

ГЛАВА 3

ГДЕ ЖЕ ЦЕРКОВЬ?

Иерусалим, 1968 год

Свое первое паломничество на Ближний Восток я совершил во время отпуска. Перед тем я целый год распространял свою первую книгу «Божий контрабандист», которая, к моему удивлению, разошлась по всему миру невиданным для подобной литературы тиражом. В ней рассказывается о том, как я, минуя железный занавес, доставлял экземпляры Библии в страны с коммунистическими режимами. Посыл этой книги и моя откровенная, прямая позиция перекрыли мне дальнейшие пути в Восточную Европу и Советский Союз, ведь я не мог подвергать известному риску моих живущих там друзей. Между тем активисты миссии «Открытые двери» по-прежнему напряженно трудились, упаковывая экземпляры Библии и другие жизненно важные книги и заполняя ими грузовики для транспортировки в Чехословакию, Польшу, Румынию и Советский Союз. Получилось так, что из-за книги «Божий контрабандист» условия моего служения сильно усложнились, и вскоре моя телесная оболочка стала напоминать выжатый лимон. Семья и друзья убедили меня отправиться в отпуск. Разумеется, местом для отдыха мне суждено было выбрать Израиль, где родился, жил и умер за меня мой Господь.

Воспоминание о моем первом паломничестве в эту страну до сих пор ободряет мой дух. Я побывал во всех концах Израиля, посещал кибуцы¹, бродил по побережью Средиземного моря и наслаждался буйной красотой и звонкой тишиной пустыни Негев. Иногда мне на глаза попадались остовы сожженных грузовиков, напоминая о войне, что вихрем пронеслась за год до моего приезда, когда на

Израиль напали Сирия, Иордания и Египет. В то время я решил записаться добровольцем, чтобы в качестве нестроевого — солдата, не принимающего непосредственного участия в боевых действиях, например, водителя, — помогать израильской армии защищать Святую землю, но та удивительная по скоротечности и результатам война закончилась буквально через шесть дней. Когда стихли отголоски последних боев, оказалось, что Израиль еще и с прибытком: им были завоеваны Голанские высоты, Западный берег реки Иордан, Восточный Иерусалим и сектор Газа. Изобретательность и расчетливость, мужество и выдержка представителей этого юного двадцатилетнего государства просто поражали. И впрямь, само существование Израиля было чудом!

Под конец того моего визита я посетил мемориал «Яд ва-Шем» — музей холокоста в Иерусалиме. Во время экскурсии по полутемным залам я изучал большие черно-белые фотографии, документирующие систематическое уничтожение шести миллионов евреев. Фотографии были страшными. Особенно тревожили ум и душу изображения детей. На одном из снимков был мальчик лет восьми из Варшавского гетто. В шортах, курточке, шляпе с жесткими полями, он стоял с поднятыми вверх руками: на заднем плане его держал под прицелом немецкий солдат. Другой снимок запечатлел полдюжины детей, среди которых была одна маленькая девочка. Рыдая и заламывая руки, она отвела глаза, едва успев взглянуть в объектив фотоаппарата. Как говорилось в сопровождающей фотографию надписи, дети готовились к транспортировке в газовые камеры концлагеря Освенцим.

Я глотал слезы. Мы все *обязаны* помнить. Мы все *обязаны* изучать уроки истории. В конце пятидесятых годов я побывал в Освенциме, Бухенвальде и Дахау, где во время войны погибло множество голландских евреев и борцов с нацизмом. Освенцим я посетил со своим другом и учителем Сидни Уилсоном — долгих пять лет он вместе с другими иностранными миссионерами, которые до начала Второй мировой войны служили в Западной Европе, был заключенным лагеря для интернированных лиц вблизи Освенцима. Когда мы покидали лагерь, нас попросили сделать запись в гостевой книге. Сидни написал следующее: «История лагеря показывает, как далеко может зайти человек, живущий в этом мире без Бога».

Но как мы усвоили этот жизненно важный урок XX века, состоящий в том, что жизнь без Бога ведет ко злу?

Перед тем как покинуть музей я задержался в Зале памяти — холодной усыпальнице, на каменном полу которой выбиты названия двадцати двух концентрационных лагерей. Вечный огонь отбрасывает на эти названия жуткий свет. «В память на вечные времена» — гласят слова, выгравированные на стене над огнем. Я не мог не вспомнить иных слов: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5).

Пока я выходил из полуподвального помещения на Божий свет, мой мозг безостановочно переваривал полученную информацию. Я направился в сторону оливковой рощи, в Аллею праведников. Там к стволам оливковых деревьев прикреплены таблички с именами тех, кто спасал евреев, нередко платя за это собственной жизнью. Я нашел дерево, недавно посаженное в честь Корри тен Боом, и вознес благодарственную молитву за подругу моей жизни, которая вместе со своей семьей укрыла в своем доме в Хаарлеме множество евреев. Отец Корри вскоре после ареста умер в тюрьме. Корри и ее сестру Бетси перевели в Равенсбрюк, где они утешали сокамерниц словами из Библии, экземпляр которой им тайно удалось пронести в застенки. В лагере Бетси рассталась с жизнью, но Корри дожидаясь освобождения и рассказала свою историю всему миру. Поистине семья тен Боом была тем светом, что светит во тьме.

Но света этой семьи для нашего мира мало! Слишком мало свечей для столь грандиозной тьмы! Поблизости от входа в мемориал я нашел скамейку и сел на нее подумать. Эти деревья были посажены в честь множества отважных христиан, но в пересчете на миллионы христиан Германии и всей Европы это была капля в море. *Почему же Церковь как институт, как единое целое не выступила против геноцида евреев? Разве она не понимала того, что происходит?*

Разумеется, Церковь все понимала! Я вспомнил историю пастора Пауля Шнайдера. Его арестовали в 1938 году и определили в концлагерь Бухенвальд. Своими смелыми проповедями и выступлениями против нацистского режима Шнайдер не давал покоя администрации лагеря. Его бросили в одиночную камеру и там пытали,

поскольку он не хотел молчать. Утром на Пасху через оконную решетку донесся его могучий бас: «Так говорит Господь: Я есмь воскресение и жизнь, верующий в Меня, если и умрет, оживет!..» Тысячи людей, стоящих шеренгой в тюремном дворе, подумали, что слышат из иного мира пророческий голос Иоанна Крестителя. Этот голос смолк, когда ворвавшиеся в камеру Шнайдера эсэсовцы забили его до смерти. Его бездыханное тело выволокли наружу, и в нем не было целых костей. Один из заключенных коммунистов сказал: «Если бы таких людей, как пастор Шнайдер, было больше, никто бы не испытывал никакой нужды ни в социализме, ни в коммунизме!»

Сотни священнослужителей были на похоронах пастора Шнайдера². Повсеместно в церквях рассказ о его мужестве стал притчей во языцех, но только этого было явно недостаточно, чтобы пробудить большую часть христиан. Лишь горстка их выступила против того, что в Германии творили с евреями. Немногим евреям удалось спастись от жестокого нацистского режима. На долгие двенадцать лет Европа погрузилась во тьму.

А может быть, и нет? Разве в принципе тьма способна победить свет? Свет может померкнуть и даже погаснуть, но не из-за тьмы. Свет *всегда* побеждает тьму. Свет либо есть, либо его нет... Это была схватка, которую я ощущал в своей душе. Столкновения, конфликты и войны происходили по всей земле, и посреди всего этого ужаса продолжали существовать церкви — одни из них дышали на ладан, другие пытались сделать так, чтобы Божий свет восторжествовал над окружающей тьмой.

Мне вспомнился яркий, впечатляющий день, когда в Варшаве тысячи комсомольцев шли строем вдоль парка, по которому я бродил, а потом присел на скамейку. Вот и теперь я открыл Библию на том же самом стихе, который запал мне в душу в далеком 1955 году. Это был второй стих третьей главы Книги Откровение: «Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти...» Тогда, в Польше, я понял, что со мной говорит Бог, хотя ни денег, ни представления о том, как за железным занавесом утверждать «близкое к смерти», у меня не было. Но произошло чудо, и вскоре после того случая я отправился в другую миссионерскую поездку, на сей раз в Чехословакию. Следующие двенадцать лет я, во всем уповая на Господа, провел в

миссионерских поездках по церквам коммунистического мира. Церковь в большинстве этих стран была гонима, поскольку дьявольские силы, господствовавшие за железным занавесом, видели в ней явную угрозу. В поездках я постигал нужды церкви и делал все, что было в моих силах, чтобы помочь ее членам сделать ее такой, какой ее хотел видеть Бог, — светом во тьме.

Мне казалось, что именно эта часть мира станет моим миссионерским полем на всю оставшуюся жизнь, но уже в 1968 году двери туда закрылись передо мной. Что же мне было делать? Я снова углубился в Книгу Откровение. Во второй и третьей главах этой книги содержится проповедь Христа, обращенная к семи церквам в Малой Азии. В том стихе, который открылся мне в Польше, Бог обращался, в частности, к поместной церкви Сардиса.

Я внимательно прочел каждое из Божьих посланий и все понял, когда обратил внимание на два утверждения, которые содержатся в посланиях к семи церквам. Первое звучит так: «Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам». Слышим ли мы то, что говорит нам Бог? Или нам проще просто любить Иисуса? Вот что важно: Бог обращался с конкретной проповедью к семи церквам в Малой Азии. Есть ли у Него такая же проповедь и для нынешних церквей? Если да, то что в таком случае Он говорит церкви в Израиле и на Ближнем Востоке?

При мысли о втором Божьем утверждении у меня по спине побежали мурашки. «Побеждающему...» Я невольно спрашивал себя: *«А как быть с церквами, которые не принадлежат к числу побеждающих?»* Но и это совершенно ясно: отдельные церкви могут погибнуть. И в самом деле, нескольких из тех семи церквей в Малой Азии, о которых говорится в Книге Откровение, больше не существует.

Так что же Бог говорит лично мне? Я должен потрудиться на Ближнем Востоке, но в чем будет заключаться мой труд? Израиль покорил меня древним укладом своей жизни, своей внушительной победой в Шестидневной войне, но его враги сокрушены не были. Не была обеспечена и безопасность Израиля. Но в нем была церковь — Тело Иисуса Христа, которое Он называет Своей Невестой. В каком состоянии пребывает здешняя церковь? Какую роль она должна сыграть в истории этого народа?

Во время отпуска я посетил множество старинных церквей, построенных, по всей видимости, в тех местах, где родился, жил, умер и воскрес Иисус. Туристы наводнили эти исторические места, чтобы своими глазами увидеть их достопримечательности — древние сооружения из камня. Но моя забота — камни живые. Есть ли в Израиле хотя бы одна живая христианская община? А в других регионах Ближнего Востока? Я понял, что моя новая миссия такова: найти на Ближнем Востоке живую церковь, постичь условия ее бытия и ее потребности и сделать все возможное, чтобы ее укрепить.

Сектор Газа, 10 июня 2001 года

Миновала полночь. Лопасты ленивого потолочного вентилятора в бледном свете, который падает из моего окна, отбрасывают на каменные стены легкие тени. С того дня, что я провел в мемориале «Яд ва-Шем», пролетели тридцать три года, и сегодня ближневосточный конфликт кажется мне как никогда острым. Ах, как он мне надоел, до тошноты надоел этот бесконечный конфликт, но что меня мучит больше всего, так это то, что в это противостояние втянуты мои братья и сестры во Христе. Верующие в Иисуса Христа живут в Израиле, на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Это мессианские евреи, это арабы — граждане государства Израиль и арабы — граждане Палестины, и у большинства из них свои сложившиеся представления о конфликте. Помимо политических взглядов у них есть и богословские убеждения. Большая часть евреев, исповедующих веру в Иешуа, свято верит в то, что эта земля по закону принадлежит именно евреям. Палестинские христиане, в особенности те из них, кого сионистские поселенцы лишили земли, постоянно выражают недовольство по поводу притеснений. Большинство евреев воспринимают себя богоизбранным народом, а потому обладающим особыми привилегиями, невозможными для людей другой национальности. В Израиле палестинцы чувствуют себя гражданами второго сорта, а на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа еще хуже — бесправными людьми.

Мое призвание — укреплять ближневосточную церковь, однако по силам ли мне с этим справиться, не оказавшись под перекрестным огнем обеих противоборствующих сторон с их сокровенными

убеждениями? По силам ли ближневосточным верующим в Иисуса Христа презреть разделяющие их противоречия и достичь мистического единства, чтобы противостоять царству тьмы? Ответить на эти вопросы мне нелегко. Как большинство христиан, я читал Книгу Откровение. Я знаю все о множестве построенных на ее основе богословских представлений о конце света, а большая часть этих представлений так или иначе касается Ближнего Востока. Издается масса книг с толкованиями пророчеств Книги Откровение, и среди них больше всего востребована серия «Доколе не придем туда». Многие хотят интерпретировать актуальные события ближневосточного региона в свете библейских пророчеств.

Я приложил все усилия к тому, чтобы остаться в стороне от противоречивых мнений, поскольку в суждениях о последней книге Библии часто, очень часто опускается одно важное обстоятельство: она была написана для воюющих церквей о воюющей церкви. Души убитых за Божье Слово и за свое свидетельство о Христе зывали к Богу: «Доколе?» (см.: Откр. 6:9–10). Не бывает церкви без мучеников, не бывает мучеников без церкви. Здесь говорится о побеждающих кровью Агнца (см.: Откр. 12:11). Такова воюющая церковь! И «жена упоена была кровью святых» — эти святые суть Церковь (см.: Откр. 17:6). Ангел сказал апостолу Иоанну, что последняя брань состоится с Агнцем. Брань эта состоится с Церковью, которая является Телом Иисуса Христа (см.: Откр. 17:14).

Поскольку Бог определил время второго пришествия Сына, я убежден в том, что пророчества Книги Откровение не осуществляются без участия ближневосточной церкви. Вот почему я принял на себя тяготы миссионерского труда в этом регионе. Здесь была церковь, но церковь эта была предельно слабой.

Я отдавал себе отчет в том, что мне не решить ближневосточной проблемы. Допустить даже в мыслях, что этот орешек мне по зубам, было просто смешно. Вместе с тем я был совершенно уверен в том, что христианское сообщество может внести свой вклад в решение этой проблемы. Для этого ему, возможно, надо просто быть светом во тьме. Если с моей помощью ближневосточная церковь познает эту истину и местные христиане, как бы это ни было трудно, решатся следовать ей, уже одно это можно будет считать большим

успехом. К сожалению, большинство христиан при первой же возможности бегут из этого региона. Не мне их судить, но если все они разбегутся, кто останется светить во тьме?

За многие годы миссионерства на Ближнем Востоке я понял, как здесь надо укреплять наших братьев и сестер во Христе. Многие из этих уроков Господь преподал мне в Ливане — стране, расположенной к северу от государства Израиль. На протяжении пятнадцати лет именно там находился эпицентр ближневосточного конфликта, в котором страдала и церковь. Вот что, как мне говорили, вызывающе дерзко писали в ту пору арабские газеты: «Мы убили в Ливане сто тысяч христиан, и в ответ никто во всем мире даже пальцем не пошевелил — ни одна церковь не возвысила голос в защиту своих единоверцев».

Хотя мало, очень мало христиан за время гражданской войны в Ливане решилось подвергнуть испытанию свою веру, я был убежден в том, что в этих условиях у меня *нет права* оставаться в стороне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
ЧАСТЬ I. «УТВЕРЖДАЙ ПРОЧЕЕ БЛИЗКОЕ К СМЕРТИ»	7
Глава 1. Ужас	8
Глава 2. Не узколобый террорист	11
Глава 3. Где же церковь?	23
ЧАСТЬ II. ЛИВАН: СТРЕМЛЕНИЕ К МИРУ В ВАРВАРСКОЙ БОЙНЕ.....	31
Глава 4. Плач по Ливану	33
Глава 5. «Бог оставил Ливан»	44
Глава 6. Мудрость и рвение	52
Глава 7. План мирного урегулирования ливанского конфликта ...	64
Глава 8. Груда золы и щебня	72
Глава 9. Могучая поддержка Провидения	80
Глава 10. Ни власти, ни влияния	90
Глава 11. Встреча с аятоллой	96
Глава 12. Увидеть воцарение Сына праведности	107
ЧАСТЬ III. ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ РЕКИ ИОРДАНИ И СЕКТОР ГАЗА: КТО СТАНЕТ БЛАГОВЕСТВОВАТЬ ТЕРРОРИСТАМ?	1
Глава 13. Ловким ударом камня	120
Глава 14. Хочу видеть живые камни	126
Глава 15. Как нам быть?	138
Глава 16. Как примирить враждующих?	151

Глава 17. Чем все это закончится?.....	161
Глава 18. Мечеть в каждой палатке	171
Глава 19. Дóма у хамасовцев.....	183
Глава 20. Обед с террористами.....	191
Глава 21. Эх, куда меня занесло!	200
Глава 22. Они тоже ищут Бога!.....	215
Глава 23. Капля камень точит	226
Глава 24. Как преображает людей Книга.....	230
Глава 25. ХАМАС предлагает перемирие	239
Глава 26. Дипломатия «вышнего звания».....	252
Глава 27. Книжная лавка Учителя.....	261
Глава 28. А ты пробовал молиться?	267

ЧАСТЬ IV. ВТОРАЯ ИНТИФАДА: РЕЛИГИОЗНОЕ

ВОССТАНИЕ	277
-----------------	-----

Глава 29. Камень по имени Иисус	282
Глава 30. Это не самоубийство — это религиозный обряд.....	292
Глава 31. Бегство из Вифлеема	299
Глава 32. Чудо в Голландии.....	309
Глава 33. Что проповедовать во время бомбежки?.....	318
Глава 34. Свет засиял чуть ярче.....	325
Глава 35. Плач ослика о Газе	335
Глава 36. В Вифлеем, тайно	345
Глава 37. Опасная игра	355
Глава 38. Пример, которому последуют другие.....	363
Глава 39. Что же теперь?	379

Примечания	387
Краткая историческая справка.....	395